

ИНТЕРТЕКСТ В РАССКАЗЕ Ф. ИСКАНДЕРА «ЧИК И ПУШКИН»
INTERTEXT IN F. ISKANDER'S NARRATIVE «CHIK AND PUSHKIN»

Аннотация: В статье рассматривается понятие «интертекстуальности» как важного компонента художественного текста. В литературе XX века интертекст приобретает особый смысл, именно поэтому определение роли межтекстовых связей становится актуальным при анализе рассказа Ф. Искандера «Чик и Пушкин».

Ключевые слова: интертекстуальность; пушкинская традиция; диалектика характера; художественный метод Ф. Искандера.

Abstract: The concept of intertextuality as an important component of literary text is considered in this article. Intertext has an especial meaning in literature of XX century, so the determination of intertext links role becomes actual during the analysis of F. Iskander's narrative «Chik and Pushkin».

Keywords: intertextuality; A. S. Pushkin's tradition; character's dialectic; Iskander's artistic method.

С 1960-х гг. понятие «интертекстуальность» становится значимым при анализе художественного текста. Особый смысл «интертекст» приобретает в литературе XX века, поскольку в эту эпоху происходит переосмысление механизмов функционирования культуры.

Создание новых произведений может быть осуществлено во взаимодействии со сложившейся литературной традицией. Интертекстуальность позволяет произведению закрепиться в литературной системе, «... приобрести необходимую смысловую полноту» [5, с. 158].

Таким образом, *интертекстуальность* – это авторский прием, который, по словам Ю. Лотмана, держит «... текст во взаимодействии с другими текстами» [4, с. 213], помогает автору адекватно изобразить действительность, переосмыслить ценностно-смысловую картину мира.

Поиск интертекстуальных связей дает новые возможности в постижении философии автора, глубоком понимании идеи самого произведения. В процессе анализа расширяется круг фоновых знаний.

В цикле историй о детстве Чика Ф. Искандера наиболее ярко интертекстуальные связи проявлены в рассказе «Чик и Пушкин», они становятся ключом к интерпретации произведения.

Подчеркнем, что Искандер обращается к текстам А. Пушкина. Выбор источника «чужого» текста сделан автором неслучайно. Пушкинский текст используется Искандером не только как материал, выполняющий экспрессивную

функцию, но и как текст, отвечающий на вечные вопросы, который, включаясь в контекст современной литературы, обогащает её идейно.

Название рассказа, построенное на приеме метонимии, уже отсылает читателя к творчеству А. Пушкина. Автор имеет в виду не личность Пушкина, а его наследие в целом, которое несомненно играет значимую роль в формировании личности ребёнка. Попробуем выяснить, какие функции выполняют тексты «Капитанской дочки», «Сказки о попе и работнике его Балде», «Песни о вещем Олеге» в рассказе, обратившись к его анализу.

Тенденция к преемственности традиций Пушкина наблюдается у Искандера в особенностях развития характера героя. На протяжении рассказа автор показывает диалектику характера Чика, используя сквозной мотив «Капитанской дочки». Эксплицитная аллюзия на исторический роман появляется с первых строк: «В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и читала „Капитанскую дочку“ Пушкина» [2, с. 374]. Мысль о влиянии обстоятельств на характер человека, столь важная для романа Пушкина, проходит красной нитью через весь рассказ Искандера, именно поэтому целесообразным можно считать гибкое сопоставление образов Чика и Гринева.

Герои пушкинского романа, в частности Гринев, «... не являются пассивными натурами» [3, с. 37], они личности активные. Каким мы видим Гринёва на первых страницах романа? Инфантильный, мечтающий о столичной жизни в Петербурге, еще не зрелый душой молодой человек. Но постепенно погружаясь в роман, мы понимаем, что герой меняется: встреча с Пугачевым, любовь к Маше, дуэль со Швабриным, восстание заставляют героя принять правильную жизненную позицию, понять, что есть истинные ценности – любовь, семья, родина. Семейное воспитание Гринёва, потенциал, заложенный в него с рождения, в течение жизни раскрывается в Петре Андреевиче в еще большей степени. Этим оправдывается верность героя родине и семье.

Активность жизненной позиции, способность к самоанализу свойственны и Чикю. События, в которые вовлечены герои «Детства Чика», это всегда испытания, подводящие героя к рефлексии. Трудности, которые мальчику необходимо преодолеть, делают его сильнее, позволяют найти ответы на вечные вопросы.

В Чике действительно заложен, как и в Гриневе, огромный нравственный потенциал. «Чик продолжал стоять, ощущая в себе прилив огромных и, главное, совсем не исчерпавшихся сил». И у читателя возникает вопрос: как направить силы в нужное русло?

Одно из испытаний, встречающихся на пути Чика, – исполнение роли Балды в школьном спектакле. Искандер показывает, как Чик хочет заполучить главную роль. В этом фрагменте он изображен как талантливый, озорной, наделенный самомнением мальчишка, чем и вызывает у автора иронию. Для достижения комического эффекта писатель использует несобственно-прямую речь, проникая в сознание героя: «Чик уже знал, что без него не обойдется. Он был самым громогласным в классе и считался начитанным мальчиком. Смешно было бы думать, что дело обойдется без него. Но Чик не хотел начинать первым. С такой карты не начинают!..» [2, с. 379]. Ироническое отношение автора подчеркивает

и сюжет безусловно шутовой «Сказки о попе...», которая имеет сатирический смысл.

Однако Чик не справляется с миссией актера. Подходя к репетициям недобросовестно (герой сам это подмечает), мальчик лишается роли Балды. Её отдают другому мальчику – Жоре Куркулия. Играть Чикуну приходится задние ноги лошади – вовсе неприемлемую для него роль.

Почему все складывается таким образом? Объяснение недобросовестному отношению Чика к репетициям есть: мальчику не нравится роль Балды, Чик играет эту роль только из-за стремления показать свою «громогласность» [2, с. 382]. Априори Жора подходит на роль больше. Ведь он, по словам Чика, «большой хитрец» [2, с. 387] и, на наш взгляд, выразитель народного начала. Это ярко прослеживается в портрете Жоры (широкий деревенский румянец на лице), в его речи (мальчику был присущ своеобразный акцент), в поведении. Народность Жоры позволяет сопоставить его с героем пушкинского произведения – Балдой. Эта параллель проведена Искандером неслучайно, поскольку в противостоянии Чика и Жоры всё складывается по сценарию пушкинской сказки.

Представитель «простого народа» Жора Куркулия выходит из истории победителем. Его образ постепенно укрупняется: из деревенского мальчишки, в котором Чик видел не конкурента, а объект иронии, Жора превращается в главного героя спектакля, чем вызывает зависть у Чика.

Интересно также, что в «Сказке о попе...» наказание приходит попу от Балды. В рассказе Искандера мы видим иронический перифраз этой сюжетной ситуации: конечно, Чик лишается роли из-за своей ошибки, однако в эти обстоятельства вовлечен и Жора Куркулия. Мальчик с самого начала включается в постановку спектакля, поэтому и выучивает слова каждого героя; напомнить про репетицию Чикуну бежит именно он, а войдя в расположение Евгения Дмитриевича (руководителя кружка), получает роль в спектакле.

Чик терпит наказание за свое «преступление»: он испытывает угрызения совести перед тетушкой, Александрой Ивановной и другими зрителями, и для мальчика это становится уроком. Данная часть текста значима в раскрытии характера Чика. Испытания повлекли за собой изменения в душе героя; эти главные слова звучат в рассказе: «Волна бодрящей благодарности омыла душу Чика. Какая там разница, задние ноги лошади или Балда? Главное, что все это смешно» [2, с. 398].

Иными стали и взаимоотношения Чика с другом Севой: если в начале произведения Чика и Севу объединяет желание искать повсюду смешное, то после в мыслях Чика звучит отчетливое: «Ничего смешного в этом нет» [2, с. 399].

В хронотопе рассказов Искандера особое место занимает воспроизводимая автором эпоха. Атмосфера сталинского времени пропитывает и рассказ «Чик и Пушкин», в котором даже дети повсюду находят атрибутику эпохи.

Обнаруженные Севой вредительские знаки в тетради, посвященной юбилею Пушкина, на обложке которой напечатан текст «Песни о вещем Олеге», захватывают и Чика. Права К. Цколия в том, что шпиономания становится для детей своеобразной игрой. Вместе с этим актуальным становится звучащий в произведении «мотив бдительности и подозрительности» [6, с. 135], связанный в данном случае с преданностью.

Мотив преданности неоднократно звучит в рассказе. Он сопряжен с пушкинскими идеями и раскрывается в эпизоде чтения «Песни о вещем Олеге», высшей точке произведения, фрагменте, в котором эмоции и героя, и читателя достигают апогея.

Что мы видим: теперь Чик не отвечает на приглашения ребят играть в футбол. Он остается преданным своему делу и осознает важность своей миссии. Чик, как и Петр Гринев, в процессе взросления приобретает новое качество – ответственность. При этом ситуация в целом освещена авторской иронией, ведь то, что делает Чик, по сути абсурдно (это подчеркивает и вставной эпизод: герой вспоминает, как однажды его сумасшедшего дядю приняли за вредителя). Однако Искандер не осуждает подобное проявление ответственности, ведь Чик еще ребёнок, в котором только закладываются основы нравственности.

Читая «Песнь о вещем Олеге», Чик приходит к главному – к «нравственному самоочищению» [3, с. 44]. Испытав катарсис, Чик понимает, что в жизни есть вещи важнее футбола, шуток с Севой, школьных постановок. В процессе чтения мальчику открывается новое – поэзия, «... о существовании которой у Чика были самые смутные представления» [2, с. 407]. Герой осознает, что нет ничего прекраснее искусства и понимает, что преданность и дружба, отраженные в «Песни о вещем Олеге», существуют вне временных рамок. К поиску ответов на вечные вопросы прибегает и Гринев в «Капитанской дочке». Перед героем и Пушкина, и Искандера открывается «... поток чего-то горестного и прекрасного...» [2, с. 407], оба пытаются постигнуть смысл жизни.

Однако если у Пушкина толчком для самосознания героя становится его вовлеченность в катастрофические события эпохи, у Искандера эта роль отведена литературе. Именно на фоне «вечного» Пушкина Чик становится очевидна глуповатость идеи «вредительства». Искусство остраивает у Искандера социальное, делает заметным советский абсурд.

В то же время и погружение в мир искусства у Искандера иронически освещено: возвращение Чика в реальность происходит сразу же. Это подтверждает финал рассказа: «Горячий украинский борщ? Обедать тоже как-то глуповато. Чик прислушался к себе и вдруг с удивлением почувствовал, что мог бы и пообедать. Даже не прочь пообедать. Что делать! Ведь и дружина пиновала у берега после всего, что случилось с Олегом» [2, с. 411].

Фрагмент привносит в текст добрую иронию. Авторский прием не направлен против литературных аллюзий, он выполняет другую функцию – подчеркивает ценность и неповторимость жизни, которую так любит герой Искандера.

Подводя итоги, отметим важную роль интертекста в понимании смысла рассказа, поскольку он выполняет функцию **сюжетообразующую**: с помощью отсылок к творчеству Пушкина формируется сюжет рассказа. Важной становится и **характерологическая функция интертекстуальных связей**, ведь по аналогии с пушкинскими строятся и развиваются характеры Искандера, а образ ребёнка основывается на принципе «компасы нравственности» [1, с. 13], ориентиром для построения которого становятся пушкинские герои. Особая роль интертекстуальности заключается в **перенесении основного принципа реализма** – взаимодействия характера и обстоятельств – в детство. Данный принцип становится значимым в рассказе «Чик и Пушкин», так как именно на этом принципе

основывается сюжет взросления героев. Последняя функция интертекста – **экспрессивная**, благодаря которой происходит формирование присущего писателю «иронико-философского оттенка» произведения [6, с. 11]. Проанализировав рассказ «Чик и Пушкин», определив основные функции межтекстовых связей, мы можем с уверенностью утверждать, что интертекстуальность является важным компонентом художественного метода Ф. Искандера.

Библиографический список

1. Иванова, Н. И. Фазиль Великолепный / Н. И. Иванова // Искандер Ф. Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: Притча. Повесть. Рассказы. – М. : Э, 2016. – 640 с.
2. Искандер, Ф. Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: Притча. Повесть. Рассказы / Ф. Искандер. – М. : Э, 2016. – 640 с.
3. Ложкова, Т. А. Диалектика характера и обстоятельств в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / Т. А. Ложкова // Филологический класс. – 2013. – № 4 (34). – 134 с.
4. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Т. 2. – Таллин, 1992.
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003.
6. Цколия, К. Р. Национальная специфика и ее художественное воплощение в творчестве Фазилия Искандера : дис. ... канд. филол. наук / К. Р. Цколия. – М., 2014. – 176 с.